

Op 85.14
K 26
A-381163

A detailed oil painting of a man's head and shoulders, shown in a three-quarter profile view. The man has dark hair, a high forehead, and a serious expression. The lighting is dramatic, coming from the upper left, casting deep shadows on the right side of his face and neck. The background is dark and indistinct. The painting is on a textured surface, possibly canvas or wood, with visible brushstrokes and some wear.

СТЕПАН
КАРПОВ

1890–1929

Op 85.14

K26

Op 85.14

85.143(2=411.2)6-8 Карпов С. М. ЯВ
+ Op 85.101

Степан Карпов

1890–1929

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

ЖИВОПИСЬ И ГРАФИКА
ИЗ СОБРАНИЯ
ОРЕНБУРГСКОГО ОБЛАСТНОГО
МУЗЕЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ
ИСКУССТВ

а-381163

✓

кр
ин

Возвращение мастера

Оренбургский областной музей изобразительных искусств обладает уникальным собранием произведений выдающегося художника Степана Михайловича Карпова, включающим более пятидесяти живописных и более двухсот графических работ.

Уроженец Оренбурга, один из лучших учеников Высшего училища при Академии художеств в Санкт-Петербурге, яркий представитель неоклассицизма, позднее — один из вождей Ассоциации художников революционной России (АХРР), автор огромных картин-панно и виртуозных этюдов, Степан Карпов получил всероссийскую известность, но был надолго забыт после ранней кончины.

В наши дни живописное искусство художника и его удивительный дар рисовальщика заново предстают перед зрителями.

Настоящий альбом — результат многолетней исследовательской работы сотрудников музея. Большинство произведений публикуются впервые.

Издание приурочено к сто тридцатой годовщине со дня рождения Степана Карпова.

Юрий Комлев,
директор Оренбургского областного
музея изобразительных искусств

Содержание

- 8 Лидия Медведева
 Реализм Степана Карпова
- 12 Татьяна Орлова
 **Живопись Степана Карпова в собрании Оренбургского
 областного музея изобразительных искусств**
- 62 Игорь Смекалов
 **Графика Степана Карпова в собрании Оренбургского
 областного музея изобразительных искусств**
- 76 Игорь Смекалов
 **Степан Карпов работает над картинами
 (рисунки и эскизы)**
- 79 Средневековая казнь. 1920–1921
83 Тревога. Вооружение рабочих. 1923–1925
97 Кузнецы. Самарканд. 1925
109 Восточный мотив. 1925. Самарканд. 1925.
113 Монументальные росписи. 1924
117 Самоопределение народов. 1925–1926
129 Арест Пугачева. 1928–1929
- 136 Игорь Смекалов
 Студия на Бауманской, 6
- 152 Вера Щуренкова
 **История фонда Степана Карпова в Оренбургском
 областном музее изобразительных искусств**
- 154 **Каталог**
- 186 **Из писем Степана Карпова**
- 204 **Материалы к биографии**
- 230 **Основные картины**
- 231 **Основные выставки**

Лидия Медведева

РЕАЛИЗМ СТЕПАНА КАРПОВА

В искусствоведческой практике последних лет с большим увлечением изучается история русского авангарда. Так, будто все существовавшее за его пределами недостойно внимания. Это, однако, противоречит общепринятому представлению о сложной и пестрой жизни искусства в России начала XX века, когда продолжали свою деятельность и возникали вновь творческие объединения, стоящие на других художественных платформах.

Реализм, подвергшийся яростной критике авангардистов, обрел новые конфигурации и дал основание для разговора уже не о реализме, а о реализмах, то есть о расширении границ метода, теперь вмещающего самые разные эстетические пристрастия и творческие манеры. Продолжал жить, обретая новые ипостаси, и академизм (как разновидность допередвижнического реализма).

Художник Степан Карпов (1890–1929), уроженец Оренбурга, вернулся в наш город в суровую пору Гражданской войны вместе с женой — Серафимой Рянгиной (1891–1955). Противостояние оренбургских приверженцев «реалистики» и «формалистики» нашло отражение в газетной статье 1921 года, в которой реалистам — Карпову, Мехеду, Мухину, Степанову противопоставляют представителей направлений с «...загадочно-таинственными именами «абстракционизм» и «супрематизм».

Карпов жаждал найти адекватную изобразительную форму кардинально изменявшейся жизни страны, но осмысливал это новое в привычных для него классицистических традициях. Реализм в творчестве художника принимал, по определению А. Эфроса, «конкретно-изобразительный» характер. Для обретения новых пластических изобразительных средств, соответствующих изменившейся действительности, нужно было время, но его-то и не было.

«Время вперед!» — зов эпохи. И художник обращается к классике с ее почти математической выверенностью структуры композиционного языка, гладкой поверхностью живописи, линейной ясностью, определенностью.

Утверждение реализма стало важным фактором времени и основой для возникновения в 1922 году Ассоциации художников революционной России (АХРР), одним из организаторов которой стал Карпов. Настоящее казалось прекрасным уже потому, что осуществление всех мечтаемых человечеством идеалов о высшей справедливости, о счастье для всех провозглашалось целью повседневной трудной работы, требующей героического напряжения сил народа.

Борьба, преодоление — привычное состояние для общественного настроения эпохи. Отсюда и определение тех лет — «героический реализм». Отсюда и темы картин Карпова. В них — парадоксальное соединение подчеркнуто конкретной (до натурализма) чувственности объемов, их вещной, материальной наполненности, точности деталей и... общей условности, театральности, приподнятости, пафосности образов, их умозрительности.

Искусство Степана Карпова несло героические, революционные идеи, которым высокий стиль классицизма, казалось, наиболее соответствовал.

Для классициста цвет является лишь вспомогательным средством в создании образа, главное — рисунок, объем, светотень, неглубокое изобразительное пространство, по существу, живописный рельеф.

При всех отчетливых для нас недостатках нельзя не видеть исторической значимости работ Карпова. Он был одним из тех, кто содействовал сохранению традиций русской реалистической школы, вернул станковой картине подобающее ей место в иерархии живописного творчества, напомнил о гражданственности, общественной значимости искусства.

Рянгина писала о Карпове: *«Жизнь его была вся в борьбе за возможность заниматься живописью, искусством... Он никогда не терял связь с родным городом, любя его со всей страстью русской души...»*

Я узнаю многие его черты... Ничего не делать холодным способом, все горячо, но обдуманно. Все во имя любви к Родине!» (из письма к С. А. Варламову от 29 декабря 1952 года).

В истории Оренбурга имя Степана Михайловича Карпова занимает достойное место, что подтверждается высоким качеством собрания произведений художника в фондах Оренбургского областного музея изобразительных искусств.

Из раннего периода творчества Карпова, к сожалению, осталось очень мало работ — они были уничтожены пожаром. Тем ценнее коллекция, переданная Серафимой Васильевной Рянгиной в наш музей, тем полнее и ярче становится история художественной жизни Оренбурга 20–30-х годов прошлого века.

Татьяна Орлова

ЖИВОПИСЬ СТЕПАНА КАРПОВА
В СОБРАНИИ ОРЕНБУРГСКОГО
ОБЛАСТНОГО МУЗЕЯ
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ
ИСКУССТВ

Основной концепцией нашего музея с момента его возникновения было представление творчества оренбургских художников в общем контексте отечественного искусства, а потому имена мастеров, рождением или творчеством связанных с Оренбургом, нам особенно дороги.

В коллекции музея собрано более полусотни живописных работ С. М. Карпова, оренбуржца по рождению, одного из руководителей самой многочисленной и заметной в художественной жизни 20–30-х годов прошлого века организации — Ассоциации художников революционной России (АХРР).

Степан Михайлович Карпов родился 08 (20) декабря 1890 года в мещанской семье. С детства увлекся рисованием. По свидетельству учившегося с ним художника А. Ф. Степанова, был лучшим в гимназии рисовальщиком. В 1906–1910 годах учился в Казанской художественной школе (в том числе у Н. И. Фешина), с 1911 по 1918-й — в Высшем художественном училище (ВХУ) при Академии художеств в Санкт-Петербурге у Г. Р. Залемана и Д. Н. Кардовского.

В начале 1918 года, в знак протеста против «левизны», проникшей в Академию, покидает ее стены и вместе с женой, Серафимой Рянгиной, уезжает на родину, в Оренбург, где в полной мере проявляет не только свой художественный, но и организаторский талант (создает Союз художников-живописцев, организует выставки, преподает, принимает участие в возрождении краеведческого музея, пишет монументальные панно, посвященные установлению советской власти в Казахстане, и т. д.).

В конце 1921 года Карпов и Рянгина возвратились в Петроград и завершили свое образование в реформированной Академии художеств. В 1923 году супруги переехали в Москву и активно включились в столичную художественную жизнь.

Показывая свои главные произведения на выставках АХРР, Карпов быстро добился широкого признания, избирался членом президиума этого влиятельного объединения, председателем его живописной секции, председателем выставочного центра и членом секции монументалистов.

За короткий срок, отведенный судьбой, он стал одним из основоположников советской тематической картины, признанным воспитателем молодых художников.

Степан Михайлович Карпов умер 21 марта 1929 года в Москве, в мастерской, с кистью в руках.

Работы Карпова появились у нас в музее благодаря усилиям его первого директора Сергея Андреевича Варламова, который проявил интерес к художнику-земляку еще задолго до создания музея. Он познакомился и подружился с женой Карпова, художницей Серафимой Васильевной Рянгиной, о работе которой написал заметку в газету. Между Варламовым и Рянгиной завязалась регулярная переписка.

Впоследствии, посещая московскую мастерскую Рянгиной и ее второго мужа — замечательного живописца Бориса Николаевича Яковлева, Варламов многое узнал о творчестве Карпова и получил несколько его работ в подарок.

Во время очередной встречи Серафима Васильевна подарила Варламову два рисунка пером на кальке и одну акварель — этюды к картине «Басмачи», а также карандашный рисунок головы Пугачева (все это было передано Варламовым в фонды Оренбургского краеведческого музея).

В другой раз Сергей Андреевич увозил автопортрет Карпова, когда-то подаренный автором сестре Ольге Михайловне, а она, по совету Рянгиной, передала картину «нашему будущему художественному музею». Позднее ряд работ был закуплен у наследников художника. Несколько вещей были получены в дар.

Еще в 1955 году очерк о Карпове, основанный на полученных от Рянгиной сведениях и рассказах художника А. Ф. Степанова, Варламов поместил в альманахе «Степные огни». Позднее, в 1963 году, очерк вошел в книгу Варламова «Оренбургские художники». Искусствовед отмечал, что о Карпове в Оренбурге никому не было известно, если не считать двух-трех старожилов, лично его знавших, что память о нем важно сохранить.

Очерк содержал не только биографические сведения, но и рассказ о крупных живописных работах: «Агитпункт» (1923. Москва. Центральный музей армии), «Тревога. Вооружение рабочих» (1923–1925), «Партизаны» (1924. Москва. Государственный центральный музей современной истории России), «Кузнецы» (1925. Москва. ГТГ), «Басмачи» (1927. Москва. Центральный музей армии), «Арест Пугачева» (1928–1929. Оренбургский губернаторский историко-краеведческий музей). В этих картинах художник искренне стремился отразить жизнь своей эпохи.

В собрании нашего музея, к сожалению, нет ни одной капитальной, картины Карпова, в основном это пейзажи, портреты и натюрморты, но они достаточно полно характеризуют путь художника.

Эскиз композиции. 1910-е

К самому раннему периоду творчества относятся живописные эскизы композиций с фигурами — сюжеты из античности и средневековья, традиционные мотивы, напоминающие картины старых европейских мастеров.

Многое в методе молодого Карпова становится объяснимым, когда читаешь воспоминания С. В. Рянгиной, с которой он вместе учился у великолепного рисовальщика Д. Н. Кардовского. Это свидетельство необыкновенной строгости занятий в Академии, когда учащемуся, исполнявшему живописный этюд, необходимо было до минимума ограничивать свою палитру. Это позволяло выяснить, насколько он владеет рисунком, формой.

Уроки Кардовского были усвоены, и главное, что было вынесено из них, — стремление к совершенству, которое подвигало постоянно штудировать натуру.

Ряд суховатых живописных этюдов обнаженных фигур натурщиков и натурщиц, выполненных на маленьких кусочках холста, а также штудии отдельных частей человеческого тела — головы, руки с подробным анатомическим анализом формы — напоминают об академической выучке Карпова.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66